

УДК 304(045)

Современная философия денег

Омарова Лейла Бунияминовна

Кандидат философских наук,
доцент департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: Leylaomarova1@gmail.com

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Аннотация

В исследовании рассматривается современное социальное и экономическое пространство и анализируются противоречия между духовными ценностями и рыночной идеологией. Быстрый темп жизни, растущий потребительский образ жизни и влияние массовых медиа создают стремление к материальным достижениям и потребностям. Это может привести к искажению приоритетов в жизни, где материальные ценности могут перекрывать духовные ценности. Актуальность исследования продиктована тем, что современное общество, со всеми его составляющими элементами, весьма сложно и многообразно. Драматичные с позиции и политики, и экономики, и духовной сферы общества события последних лет предельно четко высветили взаимосвязанность степени развития и совершенства духовного и материального уровня как всего общества, так и отдельного индивида. Аксиосфера сегодняшнего общества отличается повышенным вниманием к феномену обогащения, нежели к духовным ценностям. Методологической базой исследования стали системный и сравнительный анализ причинно-следственных связей, исторический и логический подходы к изучаемому вопросу, а также были использованы методы парадигмального подхода и диахронный метод научного познания. Применение системного анализа в изучении духовных и рыночных ценностей позволяет более глубоко исследовать и понять различные аспекты общества. Это позволяет учитывать внутренние связи и отношения, а также исторические и культурные особенности, которые оказывают влияние на духовные и рыночные ценности. Цель исследования – целостный философский анализ аксиосферы современного общества и взаимосвязи духовной и экономической сфер общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Омарова Л.Б. Современная философия денег // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 10А. С. 7-16.

Ключевые слова

Ценность, цена, духовность, кризис, либерализм, неолиберализм, рыночные отношения.

Введение

Начало противостояния между духовными и материальными ценностями восходит в далекую древность. В античной Греции оно вполне установилось вместе с утверждением философии, которая сразу вошла в конфликт с денежными отношениями, хотя это было характерно не для всех философов. Большинство смотрело на деньги весьма критически. Аристотель считал, что между деньгами и знаниями нет общей меры, они несоизмеримы. Истина для него выступала эмблемой бесценного, того, что не подлежит рыночной, товарной оценке. Вместе с тем он полагал, что учителей философии можно вознаграждать в форме дара. Сократ настаивал на своей равнодушии к деньгам, но вознаграждение за свои беседы в качестве дара принимал.

Софисты придерживались другой позиции, их отношение к деньгам было гораздо более спокойным и прагматичным. Они первыми начали обучать философии за плату. Истина для них имела цену. Своих учеников они обучали тому, как с помощью утонченных приемов (софистики) доказывать, что данное утверждение является истинным, а затем, наоборот, что-то же утверждение является ложным. Софисты предвосхитили многое из того, что в наше время стало нормой. В целом, на вопрос о том, имеют ли идеи, мысли и знания цену и могут ли они продаваться, однозначного ответа в Элладе не было.

В Древнем Риме ситуация складывалась по-другому. В отличие от греческого общества, римское было гораздо более рациональным, прагматичным и заземленным. Эти черты Цицерон хорошо подметил применительно к математике: «Греки изучали геометрию, чтобы познавать мир, римляне – чтобы измерять земельные участки». Тем не менее, некоторые римские философы выражали скептическое отношение к рынку. Сенека, в частности, отмечал: «Становясь поочередно торговцами и товарами, мы уже не спрашиваем, что это за вещи, но сколько они стоят». Однако в целом римское общество отдаст явное предпочтение материальным ценностям, исповедует гедонизм. Оно стало первым в истории вариантом общества потребления, что нашло выражение в знаменитом лозунге «хлеба и зрелищ». Сложившийся образ жизни вызвал нарастающий духовный кризис римского общества, который стал одной из главных причин его полного разложения. Этот кризис оказался настолько глубоким и необратимым, что возникшее христианство не смогло спасти Рим от гибели.

В Средние века христианство становится фундаментом общественной жизни, оно пронизывает все его области. Учитывая горький опыт Рима, в котором утвердился некий культ физических удовольствий и наслаждений, христианство делает ставку на духовное начало в человеке, призывая его к добровольному аскетизму, к самоограничению во всем. Настаивая на безусловном примате духовного начала, христианство достигло ощутимых результатов в формировании глубокой духовности человека, его нравственного возвышения.

Однако и христианству в его католическом виде не удалось избежать серьезного кризиса, результатом которого явилось движение Реформации, вызвавшее раскол католицизма и возникновение протестантизма. Основной причиной тому стало то обстоятельство, что церковный клир и папство не устояли перед искушением материальных благ. В своем неумном стремлении к богатству, роскоши и власти церковь потеряла всякую меру. Она буквально утопала в роскоши, но придумывала все новые способы обогащения, одним из которых стала торговля индульгенциями, или отпущение грехов за деньги.

В последующие эпохи – Возрождение, Новое время – возникшая в древности тенденция к предпочтению перед материальными благами все более усиливалась. Это наблюдалось и в

Средневековье, хотя духовная (религиозная) составляющая в целом оставалась преобладающей и доминирующей. Однако с 12 в., вместе с перемещением центра экономической и социальной жизни из монастырей в города, средневековые люди, как отмечает Ж. Ле Гофф, все больше и все активнее «спускались с небес на землю».

Следует отметить, что отмеченная тенденция встречала сопротивление со стороны многих философов, ученых, писателей и художников. Они считали, что истина и добродетель относятся к миру бесценного, и поэтому они не могут ни продаваться, ни покупаться. Монтескье полагал, что в обществах с развитой торговлей складываются мягкие нравы, но такие общества являются на редкость скупыми и скаредными, они редко бывают гостеприимными. По мнению Руссо, из-под целиком продажного пера не может выйти ничего сильного и великого. Флобер считал, что произведение искусства не поддается рыночной оценке, не имеет коммерческой цены и не может продаваться.

Однако, с конца 18 в. – по мере утверждения капитализма и развития рынка – указанная тенденция и все с ней связанное все более усиливается и к концу 19 в. превращается в широкий процесс коммерциализации, который также последовательно набирает силу. Своего апогея он достигает в последние три десятилетия, когда капитализм опирается на неолиберализм и монетаризм. В этот период рынок становится тотальным, он охватывает все общество, а рыночная логика – универсальной, определяющей и пронизывающей все сферы жизнедеятельности, включая духовное творчество, культуру и искусство. Поскольку капитализм в этот период стал финансовым, коммерциализация нередко именуется как «финансирование». Данный период, как известно, закончился глубоким финансовым кризисом (2008), который в целом сопоставим с кризисом 1929 г., а по некоторым параметрам, прежде всего по значимости, превосходит его.

Основная часть

Переживаемый нами сегодня кризис, являющийся политэкономическим, по-настоящему судьбоносен, и он останется таковым в любом случае, включая два крайних. В первом из них предполагается то, что из него будут извлечены максимально возможные уроки и человечество сможет встать на качественно новый путь развития, благодаря которому ему удастся избежать саморазрушения. Во втором случае внесенные изменения в развитие будут иметь весьма ограниченный характер, коснутся лишь самого неотложного, удовлетворятся простым восстановлением экономического роста, и тогда человечество, видимо, повторит известную и трагическую судьбу «Титаника».

Исключительная значимость текущего кризиса обусловлена тем, что в последние несколько десятилетий, после краха социализма, капитализм развивался в самых благоприятных условиях, не имея никакой реальной альтернативы, не встречая никаких препятствий, кроме тех, которые создавал себе сам. К тому же набирающая темп глобализация открывала перед ним безграничные возможности распространения своих моделей и способов по всей планете. Однако победоносное движение привело к плачевному результату, что сделало вновь, как и в 1930-е годы, актуальной тематикой кризиса цивилизации, поиска третьего пути – помимо капитализма и социализма, либерализма и марксизма.

Еще более остро встает вопрос о полной несостоятельности неолиберализма в целом и его основных составляющих в особенности. Прежде всего, это касается утверждения сторонников неолиберализма о том, что их концепция целиком покоится на идеях А. Смита, в особенности

на известном его положении: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» [Смит, 2010, 77].

Опираясь на это положение, где главным моментом выступает индивидуальный интерес, эгоизм и выгода, и дополняя его идеей о знаменитой невидимой руке, по мановению которой рынок все ставит на свои места и устанавливает равновесие, сторонники неоллиберализма считают, что Смит якобы выступал за неукоснительное соблюдение принципа свободного предпринимательства, исключая вмешательство государства, за самодостаточность рынка и его способность к полному саморегулированию. Они также полагают, что Смит выступал за полное отделение политической экономии от философии и морали, за создание экономической науки, которая была бы автономной, строгой и нейтральной. На самом деле это не совсем так.

А. Смит начинал как философ, став автором «Теории нравственных чувств», а затем увлекся экономикой, создав фундаментальный труд «Исследование о природе и причинах богатства народов». Хотя главным трудом считается второй, сам Смит рассматривал их в единстве, ставя по своей значимости первый труд выше второго. К тому же он оставался философом и создал работы по многим философским дисциплинам – по теории познания, эстетике, риторике и литературе, лингвистике, юриспруденции. Поэтому современные авторы считают, что применительно к Смиту «экономист не должен затмевать философа» [Геращенко, 2018], а некоторые идут дальше и полагают, что «Смит является прежде всего философом» [Charolles, 2010].

Смит не противопоставлял эгоизм и альтруизм человека, считая их естественными свойствами человека, полагая, что симпатия служит ферментом его коллективности. Он признавал необходимость вмешательства государства в экономику, был сторонником строгого ограничения рынка денег и фиксированной максимальной нормы процента, которая должна ненамного превышать самую низкую рыночную цену [Геращенко, 2018, 362], резко выступал против разного рода спекулянтов, жуликов и расточителей. Смит не занимался экономической наукой ради нее самой, не стремился сделать ее независимой и самодостаточной, каковой она станет гораздо позже. Будучи философом-просветителем, он смотрел на экономику через призму человека, законов человеческой природы. В частности, разделение труда он выводит из склонности человека к торгу и обмену. В этом плане экономическая теория неразрывно связана с философией, поскольку обе они позволяют лучше понимать человеческую природу и формы ее проявления.

Последние десятилетия по-особому ярко показали полную несостоятельность понятия «экономический человек» (*homo economicus*), определяемого также как «рациональный идиот», экономический актер или агент, который составляет основу либерализма. Фактически это понятие во многом является пустой схемой или абстракцией, но удобной для теоретических построений. Экономический человек предстает как асоциальный и эгоистичный работник, заикленный на том, чтобы максимизировать свои выгоды и удовольствия и минимизировать свои затраты и усилия. Он берется «вне какой-либо культуры, вне истории, вне религиозных верований, без возраста и сексуальной принадлежности», и, как таковой, «никогда и нигде не существовал» [Смит, 2010, 169].

Уже Г. Зиммель отмечал, что поведение человека далеко не всегда является рациональным, оно может быть спонтанным, неожиданным, иррациональным. Мотивы поведения и цели жизни также могут быть разными, не обязательно экономическими, но и неэкономическими:

общественное признание, самоутверждение, самоосуществление, власть и превосходство над другими и т.д. В либерализме экономический человек фактически сводится к производящему и потребляющему животному. Заметим, что объем понятия экономического человека в основном ограничивается массовым, наемным производителем-потребителем, элита работодателей в него не входит, хотя именно она часто является воплощением эгоизма, что и стало одной из главных причин последнего кризиса.

Не менее уязвимым представляется и неолиберализм в целом. Следует отметить, что в течение небольшого периода времени – трех десятилетий – ему удалось радикально изменить соотношение между экономикой, политикой и культурой, составляющих фундамент общества. Если раньше доминирующая роль принадлежала политике, то теперь она перешла к экономике. Сегодня нас окружает мир, в котором все вещи и предметы сводятся к меновой стоимости, которая выражается и фиксируется в рыночной цене. Меновая стоимость отражает истину объекта, которая опять же означает его рыночную цену, то есть ту сумму денег, которую готовы заплатить за его приобретение. Можно сказать, что сама реальность объекта и мира в целом зависит от стоимости и цены: то, что не обладает меновой стоимостью и не имеет цены, не существует [Føessel, 2010, 38-40].

Существовать и развиваться может только то, что отвечает принципу рентабельности и прибыли. Если данные формы развлечений являются рентабельными, они финансируются и поддерживаются. Если безопасность в том или ином случае стоит слишком дорого, ею пренебрегают. Если книги продаются не слишком быстро, их пускают под нож. Примерно то же самое происходит с наукой и научными исследованиями: финансируются и поддерживаются лишь те исследования и разработки, которые в кратчайшие сроки обещают принести прибыль.

Следует отметить, что внешне рынок предстает открытым, универсальным и тотальным. Однако на самом деле он оказывается далеко не таким: он подчиняется диктату рыночной логики и таит в себе жесткие ограничения. Все продается, но рынок предлагает и поощряет только то, что покупается, что находит сбыт, который непременно должен быть массовым, ибо только в этом случае он будет прибыльным. Поэтому универсальная коммерциализация оказывается ограниченной и урезанной. Она предстает культурно однородной, духовно и интеллектуально плоской, поскольку рынок наполняется товарами культурной индустрии, тогда как высокая культура остается фактически не востребованной [Шептун, 1999, 156-157].

Неолиберальная экономика выходит за свои традиционные рамки и активно вторгается в нашу повседневную жизнь. Экономическое становится вездесущим, оно пронизывает все формы человеческой деятельности, все больше охватывает все социальное. Современному человеку трудно отказаться от мысли, что вся его жизнь целиком зависит от экономических условий. Он все больше убеждается в том, что только размер доходов определяет его социальный статус, что только богатство и деньги делают человека действительно независимым, позволяют ему делать свободный выбор. Будучи тотальным, современный рынок последовательно ведет к коммерциализации всех благ и ценностей, включая те, которые по своей природе не могут быть рыночными [Смит, 2010, 135].

Тем не менее, складывающаяся ситуация не является безнадежной и безвыходной. Эту ситуацию М. Энафф рассматривает через призму понятия «целостного социального факта», выдвинутого М. Моссом и означающего особое социальное явление, которое охватывает все другие составляющие социальной системы, объединяет и доминирует над ними, придает всей системе целостность и смысл. В античной Греции таковым выступала политика (политическое)

и некоторые церемониальные акты, в Средние века – религия (религиозное), в современном обществе на эту роль претендует экономика (экономическое).

Действительно, современная экономика является фундаментальным измерением, базисом общества. Почти вся активная жизнь человека уходит на работу и потребление, а остальная часть жизни опять же во многом связана с обсуждением экономических тем – занятость, конъюнктура, кризис, спад, уровень зарплаты, карьера, трудности, перспективы и т.д. Поэтому всякий экономический кризис фактически является и кризисом всего общества. Этим также объясняется то обстоятельство, что экономика не только не без основания претендует, но фактически присвоила себе статус объединяющей силы общества, статус целостного социального факта.

Однако «ни экономическое вообще, ни рынок в частности не соответствуют определению целостного социального факта, даже если они становятся доминирующим и господствующим социальным фактом» [Смит, 2010, 176]. Экономике интересуют только то, что поддается измерению, подсчету, квантификации. Она опирается на количественный подход. Заметим, что Гегель называл количество самой бездуховной категорией. Финансовая экономика проявляет интерес к тому, что поддается монетаризации. Экономический человек при этом является одномерным, он лишен духовного измерения, которое поднимало бы его на более высокий уровень, чем уровень простого потребителя. Рынок не придает смысл вещам, он не может этого делать, поскольку это делает только культура. Если деньги могут купить все, они могут делать только это.

Когда экономика берет на себя роль инстанции, от которой зависит не только способ, но и само существование всего остального, это приводит к отрицательным последствиям. Будучи рынком, экономика стирает уникальную неповторимость явлений, подчиняя их закону рыночной эквивалентности, навязывая им свою меру. Рынок все нивелирует, делает пустым и плоским, то есть пошлым. Неолиберальная экономика и рынок создают мир, лишенный великого, прекрасного и неповторимого.

Однако процесс всеобщей коммерциализации встречает растущее сопротивление, которое проявляется в самых разных формах. Прежде всего, расширяется понятие богатства и усложняются критерии его определения. Прежний показатель экономического роста – ВВП на душу населения – становится неадекватным. Он дополняется двумя другими показателями – уровень образования и средняя продолжительность жизни, что находит отражение в новом и примечательном параметре: индекс человеческого развития. Это свидетельствует о том, что спор о соотношении между ростом и развитием явно сдвинулся в пользу развития человека. Некоторые авторы считают, что показатель роста и развития должен быть не один, но целая палитра, а их общая направленность – развитие и благосостояние человека. При этом подчеркивается, что главное – не объем ВВП, но его структура и как он распределяется среди различных социальных категорий, что необходимо отказаться от религии роста и принять религию благосостояния [Charolles, 2010, 90].

В поиске способов противодействия всеобщей коммерциализации многие возлагают свои надежды на политику. Эта тема является частью общей и суровой критики финансового капитализма и неолиберализма. Текущий кризис убедительно показал, что свободная, ничем не ограниченная игра рынка и господство рыночной логики, к чему так стремился либерализм и чего добился неолиберализм, ведут общество к катастрофе. В последние десятилетия практически во всех областях жизни возник острый дефицит или произошло исчезновение фундаментальных морально-нравственных оснований. Были преодолены последние пределы и

утвердился беспредел. Исчезла некая универсальная и основополагающая «ценность ценностей» или золотой эталон как моральная норма, разделяемая всеми [Fçessel Mongin, 2010, 36].

Этой проблеме посвящены многие публикации последних лет. В частности, Ж. Стиглиц издал работу, которую во Франции опубликовали под названием «Триумф жадности» (2010). Годом раньше А. Сальмон издала книгу «Является ли капитализм нравственным?» (2009), а А. Конт-Спонвилль переиздал свою работу с тем же названием. Д. Коен опубликовал книгу «Процветание порока» (2009). В этих и других публикациях капитализм и неолиберализм предстают далеко не в лучшем свете.

В сложившейся ситуации, когда фундаментальные нравственные ценности подверглись глубокой эрозии и коррупции, многие считают, что «политика остается единственным способом противостояния коммерциализации всех вещей» [там же, 41]. В этом плане предлагается пересмотреть распределение ролей и функций между государством и рынком, восстановить регулирование экономики и регламентацию рынка как внутри стран, так и в глобальном масштабе, «встроить» экономическое в социальное. Заметим, что Дж. Кейнс в свое время мечтал о превращении экономики в служанку общества.

Серьезным противовесом коммерциализации и монетизации являются области, виды деятельности, блага и ценности, которые по своей природе являются общими, не могут быть приватизированы, совсем или в значительной мере не могут быть сведены к денежному эквиваленту. «Существует немонетизируемое и не поддающееся обращению в деньги, существует не поддающееся денежной оценке, существуют неэкономические цели, которые не поддаются какому-либо подсчету по формуле затраты/выгоды» [Орехов, Ахмедов, 2013, 7].

Конкретными примерами таких благ и областей, прежде всего, называют культуру, образование и здоровье. Считается, что их следует вывести из царства меновой стоимости, спасти от угрозы всеобщей коммерциализации и монетизации, защитить от рынка и рыночной логики. Именно культура несет в себе и утверждает веками накопленные высшие ценности. Поэтому она должна быть доступна всем. Каждый должен иметь доступ ко всем достижениям культуры, а также возможность активного участия в культурной жизни и творчестве. Именно образование вместе с культурой формирует критически и творчески мыслящего человека, свободного и ответственного гражданина. Оно также должно быть доступно всем и каждому и на самом высоком уровне. Здоровье составляет главное и неперемное условие жизни человека. Оно не может находиться во власти денежных расчетов и подсчетов. Все самое лучшее и эффективное должно быть в равной мере доступно всем и каждому.

Заключение

При всей очевидности того, что затронутые блага являются фундаментальными для жизни человека и общества и потому требуют надежной защиты и прочной сохранности, действительное положение вещей представляется исключительно сложным и противоречивым. Это можно показать на примере культуры. Существующая культурная глобализация ведет к весьма неоднозначным последствиям, к числу которых относятся стандартизация и униформизация культур, их гибридизация и «креолизация», а для некоторых культур само существование оказывается под вопросом. Для противодействия отрицательным последствиям культурной глобализации Генеральная конференция ЮНЕСКО в 2005 г. одобрила проект Конвенции о защите и продвижении культурного разнообразия. Благодаря принятому

соглашению культурная деятельность, культурные ценности и услуги исключаются из коммерческих переговоров между странами.

В последнее время, особенно в связи с экологическим кризисом, к числу названных благ и ценностей добавились новые, которые также нуждаются в защите от всеобщей коммерциализации. Среди них можно выделить следующие: качество воздуха, которым мы дышим; качество воды, которую мы пьем; защищенность от терроризма и эпидемий; чувство принадлежности к обществу, которое является справедливым, сплоченным и ответственным перед будущими поколениями. С этими благами дело также обстоит не вполне благополучно, о чем, в частности, свидетельствует так называемый Киотский протокол, который США и некоторые другие государства не подписали.

Тем не менее, попытка привлечь все силы товарного обмена и денежного эквивалента для решения проблем, связанных с названными благами, не дает желаемого результата. Когда, например, нанесенный экологический ущерб пытаются компенсировать увеличением инвестиций в другом месте, то никакой действительной компенсации не получается. Это выглядит скорее как иллюзия. Все это говорит о том, что внеэкономические ценности не поддаются конвертации в экономические стоимости. Качество жизни и благосостояние не исчерпываются финансово-экономическими измерениями. Не все ценности можно включить в экономический оборот, блага и ценности являются весьма разнородными [Шептун, 1999, 182].

Многое из того, что было затронуто, находит свое продолжение и развитие в современном движении «экономика счастья». Его истоки восходят к утилитаризму И. Бентама, который в своих взглядах опирался на понятие полезности, определяемое как совокупность удовольствий за вычетом страданий, а также на альтруистический принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа людей». В современном своем виде оно сложилось в 1970-е годы, получив затем довольно широкую известность и влияние к началу 2000-х годов, особенно в связи с последним кризисом.

Среди экономистов сторонники данного движения не остаются узкими специалистами, но вступают в диалог с другими социальными и гуманитарными науками – философией, социологией, психологией. Они против того, чтобы ВВП был определяющим и тем более единственным показателем благосостояния человека и общества. Они также не приемлют существующее понятие экономического человека, когда тот сводится к эгоисту-потребителю. Представители экономики счастья исповедуют принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа людей», понимая его широко и всесторонне, учитывая социальные, материальные, индивидуальные и другие условия и факторы. Опираясь на данные психологии, они считают, что люди не только ищут материального комфорта и избавления от страданий, но и стремятся к новому, интересному и необычному, готовы к вызовам жизни [Шептун, 1999, 181].

Экономика счастья проявляет интерес к новым критериям богатства, отдает предпочтение не столько доходам, сколько качеству жизни, рассматривая его как коллективное благо. Она придает особое значение занятости, борется с безработицей, ибо она ухудшает качество жизни. Сторонники экономики счастья поддерживают вмешательство государства в экономику, финансы и другие области. Они выступают за прогрессивный налог, за установление правил, которые более благоприятны взаимопомощи и сотрудничеству, чем индивидуализму и конкуренции.

Вместе с тем в центре внимания экономики счастья находится индивид, его чувства и эмоции, его оценки и мнения об удовлетворенности собой, о том, насколько ему удалось осуществить свои цели. Экономика счастья выступает за гармоничное соотношение между

работой и вне работы, за то, чтобы работа занимала меньше времени и больше оставляла свободного времени для досуга или образования, для семьи и друзей. Она поддерживает «анархистский патернализм», который оставлял бы за индивидом право выбора, но стремился к его просвещению, оказывал на него влияние с помощью системы стимулов. Особое значение экономика счастья придает роли школы и образования, которую они могли бы играть в обучении счастью и альтруизму [Biziou, 2007].

Наконец, исключительное значение сохраняют традиционные высшие ценности, такие как честь, достоинство, уважение, доверие, признание, благородство, жертвенность, гордость, щедрость, искренность. На их основе устанавливаются подлинные межчеловеческие отношения, которые наполняют жизнь человека глубоким смыслом, доставляют ему радость и наслаждение, делают его счастливым. В наше время эти ценности подвергаются суровому испытанию. Всеобщая коммерциализация и рыночная логика всячески стремятся избавиться нас от них [Чинакова, 2016, 111]. Сегодня даже щедрость может быть рентабельной. Современному человеку крайне трудно устоять перед искушением множества соблазнов. Хотя не все зависит от него, главное все-таки заключается в нем самом.

Библиография

1. Геращенко И. Этическое учение А. Смита в контексте современной экономики // *Credo New*. 2018. № 3.
2. Орехов А.М., Ахмедов Ф.Н. Оглы. Экономика и современная философия денег: уроки кризиса // *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2013. № 2. С. 5-12.
3. Рабина Е.И. Время как ценность в современном мире // *Система ценностей современного общества*. 2009. № 7. С. 133-137.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: АСТ, 2010. 1072 с.
5. Чинакова Н.В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // *Мир экономики и управления*. 2016. № 1. С. 101-115.
6. Шептун А.А. Философия денег // *Вопросы философии*. 1999. № 7. С. 180-183.
7. Энафф М. Дар философов: переосмысление реальности. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2015. 320 с.
8. Biziou M. Adam Smith est avant tout un philosophe // *Sciences Humaines*. 2007. No. 179. URL: https://www.scienceshumaines.com/adam-smith-est-avant-tout-un-philosophe_fr_15272.html (дата обращения: 03.07.2024).
9. Charolles V. Quand faut-il s'arrêter de compter ? // *Esprit*. 2010. No. 84-97.
10. Fœssel M. Mongin O. Nos aveuglements face au réel // *Esprit*. 2010. No. 35-44.

Modern philosophy of money

Leila B. Omarova

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Leylaomarova1@gmail.com

Abstract

The study examines the modern social and economic space and analyzes the contradictions between spiritual values and market ideology. The fast pace of life, the growing consumer lifestyle and the influence of mass media create a desire for material achievements and needs. This can lead to a distortion of priorities in life, where material values can overlap spiritual values. The relevance

of the study is dictated by the fact that modern society, with all its constituent elements, is very complex and diverse. Dramatic, both from the standpoint of politics, and the position of the economy, and the position of the spiritual sphere of society, the events of recent years have very clearly highlighted the interconnectedness of the degree of development and perfection of the spiritual and material level of both the whole society and the individual. The axiosphere of today's society is characterized by increased attention to the phenomenon of enrichment, rather than to spiritual values. The methodological basis of the study was a systematic and comparative analysis of cause-and-effect relationships, historical and logical approaches to the issue under study, as well as the methods of the paradigmatic approach and the diachronic method of scientific cognition were used. The use of system analysis in the study of spiritual and market values allows for a deeper investigation and understanding of various aspects of society. This makes it possible to take into account internal connections and relationships, as well as historical and cultural features that influence spiritual and market values. The purpose of the study is a holistic philosophical analysis of the axiosphere of modern society and the relationship between the spiritual and economic spheres of society.

For citation

Omarova L.B. (2024) Sovremennaya filosofiya deneg [Modern philosophy of money]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (10A), pp. 7-16.

Keywords

Value, price, spirituality, crisis, liberalism, neoliberalism, market relations.

References

1. Biziou M. (2007) Adam Smith est avant tout un philosophe. *Sciences Humaines*, 179. Available at: https://www.scienceshumaines.com/adam-smith-est-avant-tout-un-philosophe_fr_15272.html [Accessed 03.07.2024].
2. Charolles V. (2010) Quand faut-il s'arrêter de compter ? *Esprit*, 84-97.
3. Chinakova N.V. (2016) Ekonomika schast'ya: sovremennye issledovaniya i diskussii [Economics of happiness: modern research and discussions]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [The world of economics and management], 1, pp. 101-115.
4. Enaff M. (2015) *Dar filosofov: pereosmyslenie real'nosti* [The gift of philosophers: rethinking reality]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ.
5. Fœssel M. (2010) Mongin O. Nos aveuglements face au reel. *Esprit*, 35-44.
6. Gerashchenko I. (2018) Eticheskoe uchenie A. Smita v kontekste sovremennoi ekonomiki [Ethical teaching of A. Smith in the context of modern economy]. *Credo New*, 3.
7. Orekhov A.M., Akhmedov F.N. Ogly. (2013) Ekonomika i sovremennaya filosofiya deneg: uroki krizisa [Economy and modern philosophy of money: lessons of the crisis], *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of RUDN. Series: Economy], 2, pp. 5-12.
8. Rabina E.I. (2009) Vremya kak tsennost' v sovremennom mire [Time as a value in the modern world]. *Sistema tsennosti sovremennogo obshchestva* [The system of values of modern society], 7, pp. 133-137.
9. Sheptun A.A. (1999) Filosofiya deneg [Philosophy of money]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 7, pp. 180-183.
10. Smit A. (2010) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: AST Publ.